

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ХЕРСОНА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Ибн Биби подробно сообщает о военном походе на Судак эмира Чобана, посланного султаном Ала ад-Дином Кай Кубадом, чтобы наказать жителей за дурное обхождение с неким прибывшим в город купцом. По свидетельству этого автора, Чобан, после покорения Судака, вернулся в Малую Азию, оставив гарнизон и соорудив в городе мечеть (1, с. 54-58; 2, с. 130-139). Надо отметить, что факт присутствия войска сельджуков в Судак подтверждается и археологическими материалами: к XIII в. относится постройка судакской мечети, о которой, возможно, говорится в сочинении Ибн Биби (1, с. 58; 3, с. 63-65).

В историографии существуют разные датировки похода сельджуков на Судак, которые колеблются с 1221 по 1227 г. Приведем здесь существующие точки зрения на датировку сельджукского похода против Судака: 1221 или 1222 г. (1, с.58-60; 4, с. 57; 5, с. 29; 6, с. 20-21), 1222 г. (7, с. 105), 1222-1223 г. (8, с. 44-48), 1223 г. (9, с. 39), после 1223 г. (т.е. после нападения татар на Судак до 1238 г.) (10, с. 526), 1225 г. (11, с. 246; 12, с. 747; 13, с. 125-126; 14, с. 117-118), 1227 г. (15, с. 381; 16, с. 175-176)¹. А.Саввидис, указывая существующие датировки, ошибочно полагает, что М.Нистазопулу относил поход к 1223 г. Исследовательница считала, что он состоялся до нападения на Судак татар, т.е. до января 1223 г., поскольку Ибн-Биби описал город как богатый и процветающий в момент прибытия войска эмира Чобана, что, по ее мнению, было бы невозможно после его захвата татарами. В остальном М.Нистазопулу соглашается с доводами, приведенными А.Ю.Якубовским (1, с. 60; 6, с. 21). А.Л.Якобсон свел воедино две точки зрения на причины и датировку похода: предположение В.Г.Васильевского о том, что он связан с войной между Иконийским султанатом и Трапезундской империей, и датировку похода Чобана на Судак А.Ю.Якубовского - конец 1221-1222 г. Он высказал гипотезу, что данные "Жития св.Евгения" Иоанна Лазаропула (18, с.117-118) о судне с податями Херсона и Готских климатов и херсонскими архонтами, направлявшимися в Трапезунд, следует считать свидетельством бегства жителей из Херсона, вызванного нападением сельджуков (5, с. 28-30). А.А.Куник же полагал, что сообщение Иоанна Лазаропула о выходе судна из Херсона могло быть связано с угрозой татарского нападения (19, с. 745). В.Д.Смирнов отметил, что свидетельство Ибн-ал-Асира о бегстве жителей из захваченного татарами Судака на кораблях в мусульманские земли можно считать глухим намеком на бегство сельджукского гарнизона, и это подтверждает датировку похода Чобана временем до татарского нападения на этот город в 1223 г. (20, с. 11). Кроме того, предположение о том, поход на Судак был осуществлен в ходе войны между Трапезундской империей и Иконийским султанатом, начавшейся в 1223 г., противоречит свидетельству Иоанна Лазаропула, писавшего, что после окончания военных действий в Малой Азии до самой смерти султана выполнялся заключенный мирный договор (18, с. 131). Ряд исследователей, прежде всего, А.Ю.Якубовский и М.Нистазопулу, специально проанализировавшие сообщения источников об этом походе, полагали, что сельджукское войско переправилось в Крым, осадило и

¹ См. также краткие обзоры историографии по проблеме датировки похода: (6, с. 20-21; 8, с. 59, прим. 33; 17, с. 172, прим. 2).

захватило Судак в 1221-1222 г. - до первого прихода татар в январе 1223 г., о котором сообщается в заметках на полях Сурожского Синаксаря (6, с.119, §8, с.19,139; 21, с.601, №33).

Вывод о том, что войско сельджуков, возглавляемое эмиром Чобаном, после захвата Судака дошло до Херсона, а также датировка этого похода 1222-1223 гг. были сделаны Н.М.Богдановой на основании данных послания Феодора, епископа Аланского, отправленного с Кавказа в Никею и описывающего проделанное епископом путешествие и состояние дел на его кафедре (22, с. 387-414; 23, с. 157; 24, с. 689). Относимое ранее исследователями ко времени около 1240 г.², путешествие епископа Феодора в Аланию, по мнению М.Нистазопулу, было осуществлено в начале 1223 г. (30, с. 272-273,278), а само "Аланское послание" было датировано примерно 1225 г., так как в его тексте содержатся слова, указывающие на срок, прошедший со времени отъезда - "третий год видел, сколько трудов вынесли мы" (22, ст. 389 D; 25, с.16, §3; 31, с.188). М.Нистазопулу привела ряд убедительных доводов, подтверждающих избрание патриархом Германа II около 4 января 1223 г., когда Православная церковь празднует Собор 70-ти апостолов³. В день избрания патриарха Феодор, который уже был аланским архиереем (30, с.271-272; 34, с.229), произнес посвященный Герману II энкомий (34, с. 229-249), и потому его присутствие в Никее около 4 января 1223 г. считается доказанным.

В "Аланском послании" содержится одно указание на время совершения поездки - сообщение о нападениях "скифов" на Боспор, случившихся в "середине зимы", когда Феодор собирался отправиться из Херсона в Боспор (*ἐδεῖδου δὲ ὁ τε καιρὸς χειμῶος ἄγων τὰ μέσα καὶ τῶν Σκυθῶν ἢ κατὰ τοῦ Βοσπόρου τηνικαῖτα ὄρη διεχάλυεν*) (22, ст. 397 A; 30, с. 272). Как предполагали Ю.А.Кулаковский, Д.Моравчик и другие исследователи, под "скифами" в "Аланском послании" подразумевались татары (16, с. 158; 36, т. 2, с. 270; 30, с. 272-273). По записи в Сурожском Синаксаре известно, что впервые татары появились близ Сугдеи-Судака 27 января 1223 г. (6, с. 119, §8; 21, с. 601, № 33) - т.е., подчеркивает М.Нистазопулу, как раз в "середине зимы" (30, с. 273), - и поэтому можно предположить, что епископ Феодор находился в Херсоне и намеревался продолжить свой путь далее в "середине зимы" именно 1223 г. Исследовательница справедливо указала, что предложенная ранее Ю.А.Кулаковским и принятая другими учеными датировка "Аланского послания" 1240-ми гг. - временем второго появления татар в Крыму - маловероятна, поскольку речь в нем идет о первой поездке епископа к своей кафедре, совершенной, как сказано в послании, "после хиротонии" (30, с.272). Вряд ли епископ мог отбыть к своей пастве лишь спустя 17 лет после хиротонии (Ю.А.Кулаковский, кстати, тоже предполагал, что Феодор стал Аланским епископом незадолго до своей поездки, хотя и считал, что она состоялась позже (28, с. 99)). Вскоре после направления послания Патриарху и домашнему собору епископ Феодор возвратился в Никею, где его присутствие на заседании Синода 6 февраля 1226 г. зафиксировано в постановлении о Мелитинской митрополии (37, с. 114, №35; 33, №1240, с. 48-49).

² Датировка послания началом XIII в. (16, с. 157-158); общее указание на годы патриаршества Германа II (25, с. 12); (26, с. 58; 27, с. 9; 28, с. 98; 29, с. 167).

³ (30, с. 275). Эта точка зрения была принята другими исследователями. См.: (32, с. 136-137,150; 33, с. 41-43; 34, с. 229; 31, с. 187-188, прим. 27; 35, с. 2042-2043).

В "Аланском послании" сообщается о некоем Цамане (*ζαμάνης*), который по неясной причине преследовал направлявшегося из Никеи к своей кафедре епископа Феодора и его спутников, оказавшихся в Херсоне. Н.М.Богданова заметила, что прозвище эмира Хусам-ад-Дин (*ḥrān/bān*) могло быть передано по-гречески как *Τζαμάνης*⁴. Это позволило ей предположить свою версию того, когда состоялся и чем закончился поход сельджуков в Крым.

На основе данных "Аланского послания" исследовательница пытается выявить некоторые детали пребывания сельджуков близ Херсона. Так, Цаман-Чобан, узнав об освобождении путешественников в Херсоне, вступает в переговоры с городскими властями, посылая "злых вестников" (22, ст. 392 ВС; 25, с. 16, §4) и не решаясь сразу захватить его как Судака, поскольку город находился в то время под юрисдикцией Трапезундской империи, с которой султаном был заключен мирный договор⁵. Тем не менее, как полагает Н.М.Богданова, сельджуки грабили окрестности Херсона, так как в "Аланском послании" сказано: "сиротил его меч язык извне" (22, ст. 392 С; 25, с. 17, §4). После того, как епископу и его спутниками удалось бежать из-под надзора в какое-то аланское селение близ Херсона, Цаман-Чобан, узнавший об их освобождении, "сделал набег и, очутившись в Херсоне, грозил войной малым аланам" (22, ст. 393 А; 25, с. 17, §5), у которых укрылся епископ. Однако его пребывание в Херсоне продлилось недолго. Из-за какой-то угрозы Цаман вынужден был "бегством устроить себе спасение" (22, ст. 393 АВ; 25, с. 17, §5), чтобы не подвергаться опасности. Н.М.Богданова предполагает, что именно нападение татар на Сугдею могло стать причиной того, что Цаман-Чобан оставил Херсон (8, с. 47-48). Таким образом, она заключает, что поход турок-сельджуков, вероятнее всего, состоялся с апреля по ноябрь 1222 г., в период активной навигации по Черному морю, но Чобан не вернулся обратно после успешных действий против Судака, а остался зимовать в Крыму, продвинувшись до Херсона, куда как раз в этот момент прибыл епископ Феодор, чудом спасшийся от его преследований. На основе данных "Аланского послания" Н.М.Богданова делает вывод, что "взятие Чобаном Херсона в январе 1223 г., быть может, явилось одной из первых акций турок-сельджуков против подвластных Трапезундской империи территорий в преддверии войны 1223 г."⁶.

Нам представляется, впрочем, что в этой стройной концепции есть некоторые спорные и уязвимые места. Прежде всего отметим, что события, связанные с походом эмира Чобана, происходили после заключения мирного договора между Тра-

⁴ Автор комментария к разделу статьи Н.М.Богдановой о возможности такой транскрипции - Р.М.Шукуров (8, с. 44,58-59). Интересно отметить, впрочем, что имя "Чобан"/"Чупан" в более близкой к его произношению транскрипции - *Топлаиц* - зафиксировано в надписи на плите, изданной А.Л.Бергье-Делагардом. В надписи говорится о гибели в 1364 г. "раба Божьего Чупана сына Янаки". Плита обнаружена на кладбище около церкви св.Троицы села Лаки в Восточном Крыму (38, с. 236). Этот факт можно считать косвенным указанием на то, что имя "Чобан"/"Чупан" для грекоязычного населения должно было звучать все же не как *Τζαμάνης*. Трудно предположить, что епископ Феодор, претерпевший от "Цамана" столько бед, мог так сильно исказить его имя. Таким образом, искажение имени Чобана можно было бы отнести лишь на счет переписчика послания.

⁵ (8, с. 46). О юрисдикции Трапезундской империи над Херсоном см.: (31, с. 184,188-190; 16, с. 168; 5, с. 28-30; 39, с. 80; 40, с. 82; 29, с. 168,170).

⁶ (8, с. 47). Точка зрения Н.М.Богдановой и ее датировка похода эмира Чобана была принята и другими отечественными исследователями (41, с. 12,145; 42, с. 176).

пезундом и сельджуками⁷. Более того, некоторые исследователи считали возможным предположить, что и сама экспедиция Чобана осуществлялась на трапезундских судах (1, с. 59-60; 43, с. 635-636; 8, с. 45). В связи с этим, даже если трапезундский император, который, как можно заключить, обладал верховной властью над Херсоном (31, с. 184, 188-190), в то время платил дань султану, вряд ли сельджукский эмир имел возможность столь бесцеремонно вмешиваться в дела своего союзника и распоряжаться внутренними делами города. А ведь именно Цаман, названный в “Аланском послании” “тираном” (22, ст. 392 В; 25, с. 16, §4; 22, ст. 393 А; 25, с. 17, §5), отправил епископа Феодора и других путешественников в Херсон, где, вопреки его ожиданиям, “изгнанники и узники” пользовались некоторой свободой и нашли покровительство. Он же приказал через “злых вестников” исправить ошибку, состоявшую в предоставлении им свободы, и он же лично поспешил в город, чтобы разобраться в деле.

Кроме того, мы нигде не находим объяснения тому, чем же вызвано присутствие эмира близ Херсона. Если Судак - город, который, как известно, по некоторым источникам, находился на территории, подчиняющейся половцам (44, с. 26; 1, с. 63; 45, с. 45; 5, с. 26; 6, с. 19; 14, с. 115), и горожане были виноваты перед султаном, нанеся его подданному - купцу - ущерб, что и стало предлогом для начала военных действий, то ведь Херсон находился под властью союзников. Почему армия Чобана оказалась близ него? И в чем причины ненависти эмира именно к епископу Феодору, прибывшему из Никеи? Зачем он сам отсылает его в Херсон, если, судя по дальнейшим событиям, ради его пленения он потом готов захватить (!) город?

Н.М. Богданова сопоставляет сообщение “Аланского послания” о взятии Чобаном-Цаманом Херсона со свидетельством другого источника - “Жития св.Евгения” Иоанна Лазаропула о попытке нападения на город, сделанной правителем Синопа реис Хетумом. Исследовательница использует эти сведения для подтверждения важности борьбы за Херсон и отмечает, что непосредственными поводами к войне Трапезунда против сельджуков стали захват корабля с государственными податями Херсона и Готских климатов реис Хетумом и “разграбление Херсона” посланными им войсками (8, с. 47). Нам представляется, однако, необходимым уточнить, что Иоанн Лазаропул сообщает о направлении к Херсону вооруженных судов и опустошении его окрестностей (*καθελθὼν τὰς χάρας αὐτῆς ἀχρως*) (18, с. 117). Именно так понимали этот текст другие исследователи (45, с. 51; 5, с. 28; 14, с. 115; 46, с. 103; Сравн.: 19, с. 739; 28, с. 96; 29, с. 161; 16, с. 174), так что “разграбление Херсона” - самого города - в результате военных действий синопского правителя на самом деле подтвердить данными письменных источников невозможно.

В связи с этим, нельзя не задаться и вопросом, насколько легко было для эмира Чобана “сделать набег” на город и, “очутившись в Херсоне, грозить войной малым аланам” (22, ст. 393 А; 25, с. 17, §5). Даже учитывая союзнические отношения с Трапезундской империей, трудно предположить, что эмира могли впустить в город без сопротивления, и столь же трудно предположить, что он мог лег-

⁷ Если принимать гипотезу, которой придерживались А.Ю. Якубовский и М.Нистазопулу, что поход Чобана состоялся против зависящего от половцев Судака до татарского завоевания города и не был враждебной Трапезунду акцией в ходе войны с империей в более позднее время.

ко взять его, ведь это, видимо, не удалось и войскам реис Хетума. Кстати, об угрозе Цамана захватить или разорить город (8, с. 46-49; 47, с. 110,120) в послании епископа Феодора нигде не говорится, как нигде не говорится о страхе народа перед ним, а переведенные Ю.А.Кулаковским и Н.М.Богдановой слова об опасности защитившего епископа Феодора и его спутников в Херсоне некоего знатного человека по имени Иоанн, “чтобы (тог) кровожадный человек не лишил его жизни и не возмутил против него народ” (*μήποτε κατασάξειτο παρὰ τοῦ μακρόνου ἀνδρός, καὶ κατ’ αὐτοῦ χινοῖτο δῆμος...*) (22, ст. 392 С; 25, с. 16-17, §4; 47, с. 119; 8, с. 49), истолкованные Н.М.Богдановой как указание на страх перед набегом Цамана, вызвавший народные волнения в городе, на самом деле должны быть переведены “и не возмутился против него народ” - т.е. “не возмутился” сам, а не был возмущен именно Цаманом.

Кроме того, как нам представляется, слова послания о “набеге” Цамана на Херсон (*κατέδραμεν ὁ θεοστύγης, γενομένου τε εἰς Χερσῶνα*) (22, ст. 393 А) совсем необязательно должны означать именно захват города. Столь же экспрессивно описано в послании появление “второго губителя” - самозванного епископа, - которое охарактеризовано Феодором как “набег нечестивца” (*τὴν τοῦ πονηροῦ προσβολήν*) (22, ст.401 В; 25, с.22, §15). Возможно, “лукавого”? Самозванец - “тот губитель лаз” (*ὁ λυμεῶν ἐχεῖνος λαζός*) (22, ст.401 С; 25, с.22, §15)) - уподоблялся “страшному изощренному мечу”, грозившему “осиротить нас”⁸.

Несмотря на риторизированный стиль послания, епископ Феодор совершенно определенно указывает некоторые конкретные события, происшедшие в течение его пребывания в Крыму, и, в частности, нападение “скифов” на Боспор (22, ст.397 А). Он пишет об опасностях своего дальнейшего пути из-за этих нападений, о *τὰ σχυδικά* - в переводе Ю.А.Кулаковского “скифских бедствиях” (22, ст. 397 А; 25, с. 19, §9), - но ни словом не обмолвился о присутствии сельджуков в непосредственной близости от Херсона! Фактически, предположение о присутствии войск эмира Чобана на подступах к городу было сделано лишь на основании фразы “сиротил его меч язык извне” (22, ст. 392 С; 25, с. 17, §4)⁹. Но это замечание могло относиться к общей обстановке в Херсоне и его округе в то время, а не к нападениям какого-то определенного врага¹⁰. Цаман же в послании выступает всегда как один человек: “кровожадный”, “богоненавистный”, “служитель лукавого”, к тому же “смешной” и “недостойный” (22, ст. 392 ВС - 393 А; 25, с. 16-17, §4-5), он имеет возможность послать от своего имени “злых вестников”, но нигде не указано, что он стоит во главе вражеского войска.

Таким образом, несмотря на возможность обоснования гипотезы о транскрипции имени “Чобан” по-гречески как *Τζαμάνης*, имеется достаточно вопросов и противоречий, которые заставляют усомниться в правомерности этого отождествле-

⁸ (22, ст. 405 А; 25, с. 23, §18). В тексте меч назван собственно “звериным” (*ριῶς* - аллюзия на Апокалипсис?) и “обоюдоострым” (Евр. 4.12). Переведенные Ю.А.Кулаковским слова “варварский набег” (*ββαρικὴ ἐπίθεσις* - 22, ст. 405 А; 25, с. 24, §20), очевидно, означают “варварское рукоположение” (Деян. 8.18; 1 Тим. 4.14; 2 Тим. 1.6; Евр. 6.2).

⁹ М.Нистазопулу предполагала, что это были татары: (30, с. 273, примеч. 5. Срав.: 28, с. 100). Об употреблении слова *ἔθνος* для обозначения “варваров” см., например: (48, с.338).

¹⁰ Так же и упоминание о “сокрушителе” в переводе Н.М.Богдановой, или, по каноническому переводу (1 Кор. 10.10) “истребителе” (*ὀδρευτής*), нам представляется лишь относ. цейся к сложившейся ситуации аллюзией.

ния. Рассмотрим еще один и, на наш взгляд, самый существенный аргумент против вывода о тождестве Цамана и Чобана - хронологию происходивших в 20-е гг. XIII в. событий в Крыму.

Датировка похода Чобана против Судака - 1221-1222 гг. - связывается с датой разграбления города татарами в январе 1223 г., так что *terminus ante quem* Чобан мог находиться в Крыму - начало 1223 г. Н.М.Богданова справедливо заметила, что между уходом войска Чобана и нападением татар должно было пройти некоторое время, так как в "Сельджук-намэ" сообщается, что после отбытия эмира в Малую Азию "неверные были спокойны до татарской смуты" (43, с. 640; 1, с. 59; Сравн.: 6, с. 20). Чтобы разрешить это противоречие, она указывает, что под "татарской смутой" в данном случае понимается не нападение татар на Судак в январе, а нашествие 1223 г. после битвы при Калке (8, с. 48). Однако возвращение татар в Крым после битвы при Калке не зафиксировано ни одним источником¹¹, напротив, исследователи считают, что татары сразу, еще до зимы 1223-1224 гг., вернулись в Азию после поражения, нанесенного им булгарами (44, с. 27; 45, с. 46; 49, с. 13; 30, с. 273). О новом - "втором" - появлении татар в Крыму сообщается в заметках Сурожского Синаксаря под 26 декабря 1239 г. (6, с. 120, §10; 21, с. 597, №10). Таким образом, два события - поход эмира Чобана и нападение татар на Судак - в данном случае ни хронологически, ни логически не могут быть связаны друг с другом. Этот факт заставляет также усомниться в том, что татары тут же изгнали эмира Чобана из Судака, из Херсона и из Крыма¹².

Если принимать датировку М.Нистазопулу описанных в "Аланском послании" событий, то епископ Феодор, отбив из Никеи лишь после 4 января 1223 г., уже в конце месяца - "в середине зимы", как указано в послании, - собирався вновь тронуться в путь из Херсона в Боспор. При этом все бурные события: вражда с Цаманом, заключение и освобождение, бегство к малым аланам и возвращение в Херсон на судебное разбирательство с архиепископом, остались позади. Вызывает сомнения не только краткость этого срока, но, прежде всего, возможность достичь берегов Крыма в январе. Н.М.Богданова, пытаясь определить время похода Чобана на Судак и время захвата шедшего из Херсона судна правителем Синопа, учитывает условия черноморской навигации, заключая, что судоходство было возможным с весны по ноябрь (8, с. 45,47). Известно, что даже генуэзцы, как правило, не рисковали пускаться в плавание по Черному морю в зимнее время, особенно же в январе¹³. Таким образом, если епископ Феодор еще 4 января

¹¹ А.А.Куник, впрочем, считал, что вопрос о том, возвращались ли татары на юго-западный берег Крыма после битвы при Калке, неясен. См.: 19, с. 787; Сравн.: 20, с. 9.

¹² Иной, чем у П.Мелиоранского, вариант толкования текста "Сельджук-намэ" Языджиоглу Али был указан нам Д.А.Коробейниковым. Он считает, что фраза о "смутном времени татар" и по смыслу, и грамматически относится уже к другим событиям, описанным далее - конфликтам в Малой Азии, - а не к нападению татар на Крым. См. также: Коробейников Д.А. Пафлагания и Западный Понт в XIII-XV вв. (политическая и церковная история): Дипл.раб./ Науч.рук. к.и.н. Р.М.Шукуров. М., 1993. С. 35-43 (рукопись).

¹³ (50, с. 578-581). В соответствии со специальным постановлением, плавание из Перы в Черное море и обратно было запрещено с 1 декабря по 15 марта. См.: 51, с. 762, кн. VI, №ССХLIX. Кроме того, сам епископ Феодор в послании указывал, что поездка из Херсона в Боспор его "устрашила" именно потому, что была "середина зимы". Однако, по-видимому, необходимость тронуться в путь из Херсона в это время объяснялась его опасениями, что положение путешественников может вновь ухудшиться, так что он поспешил отбыть, пока посланцы Никеи пользовались свободой передвижения.

был в Никее, что на основании предложенных М.Нистазопулу аргументов можно считать доказанным, то к “середине зимы” 1223 г. он бы никак не мог оказаться у крымских берегов. Но это неизбежно сдвигает и другую дату - время написания послания. Предложения о его датировке, как было указано, делались на основе содержащихся в его тексте словах “третий год видел, сколько трудов вынесли мы” (22, ст. 389 D; 25, с. 16, §3), что позволило сделать заключение о написании послания в 1225 г. - на третий год после отъезда из Никей. Учитывая, что в синодальном акте патриарха Германа II указано имя епископа Феодора Аланского, присутствовавшего на заседании Синода 6 февраля 1226 г., написание послания и отъезд обратно в Никею лишь едва-едва могут уместиться в промежуток с 4.01.1223 г. по 6.02.1226 г., даже если Феодор выехал тут же после избрания Германа патриархом, а вернулся сразу же после отправки в Никею послания (причем его отбытие обратно в Никею вновь приходится на осенние и зимние месяцы).

Однако предположение, что епископ Феодор зимой 1223 г. не мог оказаться в Крыму, противоречило бы совершенно определенному указанию “Аланского послания” на нападение “скифов” на Боспор в “середине зимы”, соответствующему данным записок Сурожского Синаксаря о первом появлении татар близ Судака в январе 1223 г. (6, с. 25, примеч. 17; 30, с. 272-273). Это заставляет обратиться к исследованию вопроса о том, кого мог подразумевать епископ Феодор под “скифами” и действительно ли татары после подчинения Судака двинулись к Боспору (6, с. 25).

Надо отметить, что, кроме сообщения о нападении “скифов” на Боспор (22, ст. 397 А) и о “скифских бедствиях” в пути (22, ст. 397 А; 25, с. 19, §9) “скифы” неоднократно упоминаются в “Аланском послании”. О своем прибытии в Крым Феодор пишет: “Дальнейшее знает Херсон и скифская страна” (22, ст. 392 В; 25, с. 16, §4). В послании весьма определенно различается несколько областей в Причерноморье. Так, Феодор специально уточняет, что племя аланов, в селении которых близ Херсона он укрылся от своих преследователей, “простирается от Кавказских гор до Иверян”, а, кроме того, они “наполнили почти всю Скифию и Сарматю” (22, ст. 392 D; 25, с. 17, §5). О своем путешествии он также сообщает: “А мы направились в середину Скифии на 60 дней пути...” (22, ст. 397 D; 25, с. 20, §11). Отметим, что “Скифию” Феодор отличает не только от “Сарматии”, но также и от “Алании” (22, ст. 401 С; 405 А) и “Лазики” (22, ст. 404 А). Таким образом, хотя в послании употребляются архаичные этнонимы и топонимы, что обычно в византийских источниках (52, с. 148-156; 53, с. 42-49; 54, с. 30-36), для Феодора, проделавшего долгий путь из Никей на Кавказ и около трех лет оставшегося среди своей паствы, этнические обозначения, несомненно, имели и реальный, вполне конкретный смысл. Поэтому нам кажется возможным предположить, что во всех случаях, когда в послании упоминаются “скифы”, речь идет о каком-то одном этносе.

Татары появились в январе 1223 г. в Крыму внезапно и ненадолго, так что, если принять гипотезу об определенном реальном содержании этнонимов в “Аланском послании”, вряд ли стоит предполагать, что Феодор обозначил Крым “скифской”, т.е. “татарской” страной, ведь собственно татарским Крым становится только с 40-х гг. XIII в. (55, с. 21-28). В 20-е гг. XIV в. татары были еще мало известны местному населению, так что вряд ли херсонский архиепископ мог бы сказать в гневе, имея в виду татар: “Но пропади ты с нечестивыми и безбожными аланами, которые хуже скифов!” (22, ст. 396 ВС; 25, с. 19, §8).

Известно, однако, что в начале XIII в. и вплоть до татарского нашествия на Крым в 1239-1240 гг. важную роль в Северном Причерноморье играли половцы. Территория, которую они населяли, именуется "Половецкой землей", "Подем половецким" (Дешт-и-Кыпчак). На карте кочевий половцев в XI-XIII вв., составленной С.А.Плетневой, показаны границы Черной Кумании, охватывающей Восточный Крым (56, с. 174, рис. 12; 57, с. 19, рис. 5; 58, с. 149). В приведенных Г.А.Федоровым-Давыдовым данных о погребениях и половецких находках конца XII - начала XIII в. указаны Керчь (Боспор), Ленино (близ Керчи), Феодосийский район (59, с. 145, 146, рис. 21, 152, 154, рис. 22, 162, рис. 24, 258). О присутствии половцев в восточной части Крыма свидетельствуют находки половецких каменных изваяний XII - начала XIII в. (60, с. 276, рис. 3; с. 284, рис. 5; 57, с. 11, 70, 104-106). Сопоставление местонахождений половецких статуй в Крыму с распространением крымских топонимов половецкого корня позволяет сделать вывод о проникновении половцев вплотную к южнобережному Поморью. Вероятно, это можно объяснить отходом части половцев из степей и лесостепного предгорья в места, безопасные от татар, вторгшихся в Крым из степей Приазовья (61, с. 523). В Крыму известны смешанные печенежско-половецкие погребения, относящиеся к XIII - первой половине XIV в., что, безусловно, подтверждает указания письменных источников на их пребывание в этой области (62, с. 3-4).

С.А.Плетнева писала, что из-за недостаточности письменных источников исследователи редко обращаются к изучению пребывания половцев (куманов, кипчаков) в Крыму (60, с. 295, 297; 57, с. 23). Однако и Идриси сообщает, что от Ялты простиралась "страна кипчаков" (5, с. 26), и позже Ибн ал-Асир свидетельствует о том, что Судак, на который в 1223 г. напали татары, был "городом кипчаков" (44, с. 26; 6, с. 19), а по Ибн Биби именно кипчаки и русские защищают этот город от сельджукского войска эмира Чобана (1, с. 55-56; 6, с. 20; 58, с. 16, 19, 52). Наконец, Гийом Рубрук, после французского короля Людовика IX, побывавший в Крыму в середине XIII в. по пути к золотоордынскому хану Сартаку, указал, что команы до прихода татар вынуждали ряд крымских городов, в том числе Херсон и Сугдею (Судак), платить дань (63, с. 147; 64, с. 90). Как предполагал Ю.А.Кулаковский, это был "откуп от угрозы грабежа во время их набегов" (28, с. 91; 19, с. 732; 65, с. 161; 5, с. 26; 8, с. 45; 47, с. 100). Гийом Рубрук в данном случае имеет в виду татарское нашествие конца 30-х - начала 40-х гг., о последствиях которого - страшном голоде в Крыму - рассказывал ему очевидец. Победы же татар в 1223 г. не уничтожили половецкого населения и господства половцев в Крыму¹⁴, так что вплоть до следующего прихода татар Крым мог бы действительно называться "скифской" - т.е. "половецкой" страной (36, т. 2, с. 270; 59, с. 231)¹⁵. Сообщение о взимаемой половцами с крымских городов дани заставляет

¹⁴ (66, с. 470; 6, с. 15-20). Срав. также: (19, с. 747) - о страхе священника Евстафия, собиравшегося отправиться из Херсона в 1223-1224 гг., перед поездкой в половецкую землю и перед "погаными половцами". Название "Кумания" сохранялось за причерноморскими степями не только сразу после татарского завоевания, но и в XV в. (67, с. 117, прим. 107). Дополнительным аргументом для подтверждения предположения о том, что в "Аланском послании" под "скифами" подразумевались именно половцы, может служить заключение М.В.Бибикова, что именно этот этнос чаще всего обозначался "скифами" в византийских текстах последней четверти XII-начала XIII в. (53, с. 114; 36, т. 2, с. 280-282; 68, с. 939-955).

¹⁵ Срав.: "и освободилась от них (т.е. татар - В.Ч.) земля кипчаков, кто из них спасся, тот вернулся в свою землю..." (44, с. 28).

также усомниться в верности заключения М.Нистазопулу, что под “нападением скифов” на Боспор в “Аланском послании” не могут иметься в виду половецкие набеги, так как половцы были миролюбивы по отношению к жителям полуострова и защищали их от чужеземцев¹⁶. Нам кажется вполне правомерным предположение о возможном кочевании половцев близ Боспора или даже угрозе их нападения на этот город.

Если же принять гипотезу о том, что под “скифами” и их нападением на Боспор следует понимать не татар, а половцев, то отпадает и необходимость непременно датировать поездку епископа Феодора зимой 1223 г., что, учитывая условия навигации по Черному морю, маловероятно. Кроме того, принимая во внимание невозможность “втиснуть” отъезд Феодора из Никеи, отправление послания из Алании спустя три года (или даже на третий год) после начала путешествия и возвращение в Никею на Синод в хронологический промежуток с 4.01.1223 г. по 6.02.1226 г., нам представляется более правдоподобным предположение, что Феодор мог отправиться к своей пастве после 6.02.1226 г. В феврале 1226 г. епископ Феодор Аланский присутствовал на Синоде в Никее, и его имя упомянуто в акте, содержащем постановление о Мелитинской митрополии (37, с. 114, №35), а 1 марта следующего года Синод вновь обсуждал положение в Мелитинской митрополии, и на его заседании было двое из архиереев, которые присутствовали и на прошлом: Никифор Никомедийский и Мануил Мелитинский (37, с.117, №36; 33, с.49-50, №1242). Имя Феодора Аланского в документе 1227 г. не упомянуто. Не мог ли он в это время уже находиться на своем опасном пути в Аланию или среди своей паствы? Таким образом, встреча епископа Феодора с эмиром Чобаном оказывается невозможной, поскольку, по всей видимости, они побывали в Крыму в разное время.

Обратимся, однако, вновь к Цаману. Из “Аланского послания” нам известно о нем совсем немного. С точки зрения покровительствовавшего путникам Иоанна, Цаман обладал властью расправиться с ним своими средствами и даже лишить жизни в случае послушания. Именно Цаман, встретив путешественников, отправляет их - причем против их собственного желания - в Херсон. Нам кажется более вероятным и предположение о том, что бегство Цамана из Херсона было связано не с какой-то внешней, а с внутренней опасностью (28, с. 99). В городе, где “народ склонялся то в одну, то в другую сторону и был увлекаем отовсюду” (*ὁ ἕτεροβριθής καὶ φερόμενος πάντοθεν* (22, ст. 392 В)), “злодей”, “покушавшийся на тиранию”, вынужден был внезапно бежать, чтобы спастись (22, ст. 393 АВ; 25, с. 17, §5).

Исходя из этих весьма немногочисленных и неопределенных сведений о Цамане, нельзя ли предположить, что он был каким-то должностным лицом, состоявшим на службе трапезундского императора? В империи были распространены восточные антропонимы, поэтому само имя *Τζαμάνης* не является чем-то исключительным¹⁷. Возможно, то, что и в Боспоре посланцы Никеи не были приняты не-

¹⁶ (30, с. 273). Срав. о набегах половцев на Балканы в XII в. и до середины XIII в.: (53, с. 117-128).

¹⁷ Стоит обратить внимание на сходство написания антропонима *Ταμάνης* с некоторыми другими: *Τζάμπας* (великий domestik Трапезунда в начале XIV в.) (69, № 27738), Роман *Τζαμλάχης* (трапезундский землевладелец, вторая половина XIII в.) (69, № 27739), Феодор *Τριώτης* (трапезундский землевладелец, конец XIV в.) (69, № 27733), *Τζαμ*

смотря на благосклонное, по словам епископа Феодора, отношение к ним паствы именно “властителем”-архонтом, который, как сказано в “Аланском послании”, “не повиновался властям”, - параллель к указанию на стремление Цамана к “тирании” - было также не случайно¹⁸. Это еще раз подтверждается сообщениями в послании о коварном лазе, незаконно рукополагавшем священников в епархии Феодора. Лазы - подданные трапезундского императора (73, с. 179; 74, с. 250-251), и трапезундский император в “Истории” Георгия Пахимера именовался “архонтом лазов” (75, с. 159). Поэтому постоянные намеки епископа Феодора то на враждебные действия некоего “истребителя”, имеющего восточный (возможно, лазский?) антропоним “Цаман”, то на самозванного епископа - “лаза”, видимо, могут быть адекватно поняты в контексте взаимоотношений Трапезунда и Никеи в начале XIII в. Весьма вероятно, что все факты гонений на прибывших из Никеи архиереев в Херсоне и Боспоре объясняются острыми противоречиями Трапезундской и Никейской империй в это время (31, с. 183-190)¹⁹.

Предложенные здесь гипотезы не всегда подтверждаются однозначными указаниями источников. Однако нам кажется достаточно обоснованным вывод о том, что до конца XIII в. Херсон не подвергался захвату какими-либо врагами. Слой же разрушений, фиксируемый археологическими материалами, можно отнести лишь к последней трети XIII в. (предположительно 1299 г.). Под вопросом остаются пока датировки похода Чобана и отъезд епископа Феодора Аланского из Никеи, а также личность Цамана и события в Херсоне и Боспоре, свидетелями которых стали путешественники. Но пока мы можем лишь повторить слова Ю.А.Кулаковского: “По состоянию того материала, какой может быть привлечен в настоящее время для уяснения истории Крыма в XIII веке, мы лишены возможности отвечать на эти вопросы. Быть может, новые публикации или счастливые находки на богатой почве Крыма прольют новый свет и на этот период его истории, и тогда разъяснится то, что остается ныне загадочным и темным в “Аланском послании” епископа Феодора” (25, с. 14).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей) // ВВ. 1927. Л., 1928. Т.25.
2. Duda H. Die Selttschukengeschichte des Ibn Bibi, Munksgaard. Kopenhagen, 1959.
3. Лопушинская Е.И. Крепость в Судаке. Киев, 1991.

(трапезундский парик, 1364 г.) (69, № 27730). О распространении восточных антропонимов в Трапезунде см.: (70, с. 1052-1053). Возможная этимология имени *Τζαμάνης* - *saman* - “богатство” или *saman* - “луг”, “пастбище”? Срав. также *Τζάμα* - “головной убор”, “диадема”, “коса” (71, с. 375).

¹⁸ Срав. также об изгнании епископов, поставленных *ἐν τοῖς μέρεσι Βοσπόρου Χερσος καὶ Οὐφούλων* т.е. “в области Боспора, Херсона и Сугдофулл” (72, с. 275, стр. 26; 31, с. 184; 8, с. 53). Это свидетельство привлекалось для подтверждения зависимости крымских иерархов от позиции митрополитов Трапезунда и Керасунта по отношению к пребывавшему в Никею патриарху, что является косвенным указанием на сохранение и политической зависимости крымских городов от Трапезунда.

¹⁹ Возможно к этому относятся слова епископа Феодора об отказе архонта принять в Боспоре пастыря: “Вы все знаете ту старую беду, древнюю и первую вражду и еще большее бедствие, способное исторгнуть слезы из всякого сердца” (22, ст. 397 В; 25, с. 19, §10).

4. Гордлевский В. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.-Л., 1941.
5. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес. XII-XIV вв. // МИА. 1950. № 17.
6. Νυσταζοπούλου (-Πελεκίδου) Μ. Ἡ ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία ἀπὸ τοῦ ΙΓ' μέχρι τοῦ ΙΕ' αἰῶνος. Συμβολή εἰς τὴν ὁστορίαν τοῦ Μεσαιωνικοῦ Ἑλληνισμοῦ τῆς Νοτίου Ρωσίας. Ἀθήναι, 1965.
7. Rice T.T. The Seljuks in Asia Minor. London, 1961.
8. Богданова Н.М. К вопросу о городском управлении в Херсонесе в начале XIII века // Социальные группы традиционных обществ Востока. М., 1985. Ч.1.
9. Карпов С.П. Трапезундская империя и русские земли // ВВ. 1977. Т.38.
10. Barthold W. Sughdak // Encyclopédie de l'Islam. Leyde, Paris, 1927. T.4, liv.1.
11. Turan O. Anatolia in the Period of the Seljuks and the Beyliks // Cambridge History of Islam. Cambridge, 1970. Vol.1. The Central Islamic lands.
12. Taeschner F. The Turks and the Byzantine Empire to the End of the Thirteenth Century // Cambridge Medieval History. Cambridge, 1966. Vol.4, pt.1.
13. Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History, c.1071-1330. New York, 1968.
14. Kuršanskis M. L'Empire de Trébizonde et les Turcs au 13e siècle // Revue des Etudes byzantines. Paris, 1988. T.46.
15. Houtsma M.Th. Über eine türkische Chronik zur Geschichte der Selguken Klein-Asiens // Actes du VI-me Congrès international des Orientalistes tenu en 1883 à Leide. Leide, 1885. Pt.2.
16. Васильевский В.Г. Русско-византийские исследования. Жития св.Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Труды В.Г.Васильевского. Пг., 1915. Т.3.
17. Savvides A.G.C. Byzantium in the near East: its Relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols, A.D., c.1192-1237. Thessaloniki, 1981.
18. Пападопуло-Керамевс А.И. Сборник источников по истории Трапезундской империи (Записки историко-филологического ф-та императ. С.-Петербургского у-та. Ч.44). СПб., 1897.
19. Куник А.А. О связи трапезундско-сельджукской войны 1223 г. с первым нашествием татар на северное Черноморье // Уч. Зап. императ. Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1854. Т.2.
20. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
21. Арх. Антонин. Заметки XII-XV века, относящиеся к Крымскому городу Сутдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. Одесса, 1863. Т.5.
22. Theodori Episcopi Alaniae sermo epistolaris ad Constantinopolim morantesque in ea episcopos // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Parisiis, 1865. T.140.
23. Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Litteratur. 2-te Auflag. München, 1897 (= New York, 1958. Vol.1).
24. Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959.
25. Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора "Аланское послание" // ЗООИД. Одесса, 1898. Т.21.
26. Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
27. Кулаковский Ю.А. Христианство у Алан // ВВ. СПб, 1898. Т.5. Вып.1-2.
28. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. Киев, 1914.
29. Vasiliev A. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936.
30. Νυσταζοπούλου (-Πελεκίδου) Μ. Ὁ "Ἀλανικὸς" τοῦ ἐπισκόπου Ἀλανίας Θεοδώρου καὶ ἡ εἰς τὸν πατριαρχικὸν θρόνον ἀνάρρησης Γερμανοῦ τοῦ Β' (χρονολογικὴ διακρίβωσις) // ΕΕΒΣ. 1964. Т.33.
31. Жаворонков П.И. Никейско-трапезундские отношения в 1213-1223 гг. // Византийские очерки. М., 1982.

32. Laurent V. La chronologie des patriarches de Constantinople au XIIIe s. (1208-1309) // *Revue des études byzantines*. Paris, 1969. T.27.
33. Laurent V. Les registes des Actes du Patriarcat de Constantinople. Vol.I. Les actes des Patriarches. Fasc. IV. Les registes de 1208 à 1309. Paris, 1971.
34. Karpozilos A. An unpublished encomium by Theodore Bishop of Alania // *BYZANTINA*. 1974. T.6.
35. Macrides R.J. Theodore of Alania // *The Oxford Dictionary of Byzantium* / Ed. A.P.Kazhdan etc. New York; Oxford, 1991. Vol.3.
36. Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. Berlin, 1983. Bd.2.
37. Παλαδοπούλου-Κεραμέως Α. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολιμιτικῆς Σταχυολογίας. Πετρούπολις, 1897. Τ.Δ'.
38. Бертье-Делагард А.Л. Заметки к христианским надписям из Крыма // *ЗООИД*. 1898. Т.21.
39. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Л., 1980.
40. Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.
41. Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV-XV вв. М., 1988.
42. Жаворонков П.И., Шукуров Р.М. Рец. на: A.G.C.Savvides. *Byzantium in the Near East*. Thessaloniki, 1981 // *ВВ*. 1987. Т.48.
43. Мелиоранский П. Сельджук-намэ, как источник для истории Византии в XII и XIII веках // *ВВ*. 1894. СПб., 1894. Т.1.
44. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
45. Успенский Ф.И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929.
46. Savvides A.G.C. The trapezuntine sources of the Seljuk Attack on Trebizond in A.D. 1222-1223 // *АП*. 1990-1991. Т.43.
47. Богданова Н.М. Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города // *Причерноморье в средние века*. М., 1991.
48. Zachariadou E.A. Trebizond and the Turks (1352-1402) // *АГ*. 1979. Т.35 (= Eadem. *Romania and the Turks* (c.1300-c.1500). London: VR, 1985).
49. Spuler B. *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland (1223-1502)*. Leipzig, 1943.
50. Balard M. *La Romanie Génoise (XII-debut du XVe siècle)*. Paris; Rome, 1978. T.2.
51. Promis V. *Statuti della colonia genovese di Pera* // *Miscellanea di storia italiana*. Torino, 1870. T.XI.
52. Бибииков М.В. К изучению византийской этнонимии // *Византийские очерки*. М., 1982.
53. Бибииков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.) // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1980 год. М., 1981.
54. Бибииков М.В. Архаизация в византийской этнонимии // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. М., 1984.
55. Домбровский О.И., Сидоренко В.А. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь, 1978.
56. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // *МИА*. 1958. №62.
57. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974.
58. Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.
59. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.
60. Плетнева С.А. Половецкая земля // *Древнерусские княжества X-XIII вв.* М., 1975.
61. Домбровский О.И. Средневековый Крым X-XV вв. // *Археология Украинской ССР*. Киев, 1986. Т.3. Раннеславянский и древнерусский периоды.
62. Айбабин А.И. Печенеги и половцы в Крыму // *Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов*. Симферополь, 1991. Вып.1.
63. Beazley C.R. *The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis*. London, 1903.
64. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Джованни дель Плано Карпини. История монголов / Ред., вст. ст. и примеч. Н.П.Шастиной. М., 1957.

65. Расовский Д.А. Половцы. III. Пределы "Поля половецкого" // *Seminarium Kondakovianum*. Praha, 1938, Т.10.
66. Плетнева С.А. Половцы и Черные Клобуки // *История Европы*. Т.2. Средневековая Европа. М., 1992.
67. Барбарови Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вст. статьи, подг. текста, пер. и коммент. Е.Ч.Скржинской. Л., 1971.
68. Σαββίδης Α.Γ.Κ. Οὐ Κομάνοι (Κουμάνοι) καὶ τὸ Βυζάντιο. 11ος-13ος αἰ. μ.χ. // *BYZANTINA. Θεσσαλονίκη*, 1985. Т.13.
69. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Erst. von E. Trapp*. Wien, 1991. Fasc. 11.
70. Шукуров Р.М. Восточные этнические элементы в населении Трапезундской империи // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. М., 1991.
71. Παλαδόπουλος Κ. Ἱστορικὸν χιχὸν τῆς Ποντικῆς Διαλέκτου. 1861. Т.2.
72. Васильевский В.Г. *Erigotica saeculi XIII: Из переписки Иоанна Навпактского* // ВВ. СПб., 1896. Т.3.
73. Bryer A. *Some Notes on the Laz and Tzan (I) // Bedi Kartlisa*. Paris, 1966. Vol. 21-22.
74. Kuršanskis M. *L'empire de Trébizonde et la Géorgie* // *REB*. 1977. Т.35.
75. Карпов С.П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII-XV вв. // ВВ. 1973. Т.35.

CHENTZOVA V.G.
DISCUSSIONS ON THE HISTORY OF CHERSON
IN THE XIIIth CENTURY
Summary

The new interpretation of the information of the written sources let the scholar introduce a new hypothesis: in 1223 Cherson was taken by the Seljuks.

In our view the decision of the problem who and when took the city could be settled by comparison of all available information of written and archaeological sources. The conclusion of N.M.Bogdanova, who believes that the Seljuk army of emir Coban after the assault of Sudak (described by Ibn-Bibi) continued its campaign in the Crimea and marched as far as Cherson. This deduction as well as the proposed date of this campaign - 1222-1223 - are based on the information of the "Alanian Letter" of bishop Theodore. N.M.Bogdanova identified emir Coban with a certain Tzamanes, who as it is known from the "Letter" persecuted the bishop with his companions as they arrived to Cherson on the way to the chair in Alania. Our conclusions also rest on the analysis of this source and are as follows:

1. The supposition that the Seljuk emir and his army were pillaging the environs and the city of Cherson is doubtful because the Sultanate and the Empire of Trebizond, as could be supposed, at the period of the expedition against Sudak were in alliance. The context of the "Alanian Letter" in several cases also makes the assumption that Tzamanes was no one else than Coban suspicious.

2. The military campaign of emir Coban (according to A.Ju.Jacobovskij) took place before the attack of the Tatars on Sudak in January 1223. M.Nystazopoulou has proved that on the 4th of January 1223 bishop Theodore of Alania has been still in Nicea. But usually the navigation on the Black Sea in January is impossible, and the supposition that the bishop of Alania reached the coast of the Crimea after the 4th and earlier than the 23d of January is rather improbable.

3. But the change of the date of the voyage of the bishop to his flock in Alania contradicts the relation of the "Letter" to the "Scythian" (Tatar) attack on

Bospor in the "middle of the winter". It was supposed that this information corresponds to the note of the Synaxarion of Suroz on the appearance of the Tartars near Sudak in winter of 1223. We suppose, however, that the "Scythes" of the "Alanian Letter" are not the Tatars, but the Kypchaks. It makes possible the change of the date of bishop Theodore's voyage to Alania, which took place not earlier than in the spring, 1226, because it is known that in February, 1226, Theodore of Alania was present at the session of Synod in Nicea.

4. The hints of the "Letter" on the activities of a certain enemy with the oriental (Lazic?) anthroponyme "Tzamanes", and on the activities of a certain impostor bishop - "Laze" - make it possible to suppose that all these personages were representatives of Trebizond (It can be compared with the expression used by George Pachymeres, who calls the emperor of Trebizond "archon of Lazes"). It is possible that all conflicts of the ecclesiastics who came to Cherson from Nicea could be explained by the contradictions of the Empire of Trebizond and the Empire of Nicea in that period. So, the evidence of the "Alanian Letter" gives no proof of the Seljuk's attack on Cherson in 1223.

In order to determine the date of the destruction of Cherson according to the archaeological data we had to elaborate the list including 47 dating objects and the correlation of closed deposits of the XIIIth-XIVth cent. As a result we obtained the deposits of the XIIIth cent. with the traces of the destruction of the city. The date of it according to the correlation of the well-dated artifacts can be fixed as the last third of the XIIIth cent. Probably the assault of Cherson which left the real archaeological traces was that of the Tatars of Nogaj.